

ПОЖАЛОВАНИЕ ЗЕМЛИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА: КОЛЛИЗИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

И.Г. Яцкевич

Минский институт управления, г. Минск, Республика Беларусь

В рассматриваемый период в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) существовали развитые земельные правоотношения, связанные с реализацией права феодальной собственности на землю. Земля являлась объектом различных сделок, регулируемых как законами, так и обычаями.

Наиболее традиционной и распространённой сделкой являлось пожалование земли великим князем. В ВКЛ, как и в других государствах феодального типа, в качестве одной из основных регалий монархической власти признавалась верховная собственность главы государства на землю. Великий князь жаловал землю во временное пользование без права отчуждения или в наследуемое владение с правом свободного распоряжения. И в том, и в другом случае владение землёй было обременено обязанностью нести земскую, т.е. военную службу. Объектом пожалования являлись земли людей великокняжеских дворов, замков и волостей, а также пустующие и выморочные земли. При этом управомоченное лицо вместе с землёй получало право на обращение в свою пользу всех работ («служб») и платежей бывших великокняжеских людей.

Процедура пожалования земли великим князем представляла собой совокупность юридических фактов. Можно выделить следующие основные стадии данной процедуры:

- подача прошения («челобития») на имя великого князя о пожаловании земли;
- рассмотрение оснований прошения великим князем и принятие решения;
- выдача правоустанавливающего документа («листа», «твёрдости»), закрепляющего право просителя на землю и «службы» людей, и внесение текста документа в книгу великокняжеской канцелярии;
- поручение главе администрации территории, где находится объект пожалования, провести «увязанье» – ввести просителя во владение пожалованным ему имуществом.
- проведение «увязанья» и выдача просителю «увязного листа».

Рассмотрим более подробно эти стадии и проанализируем возникавшие на практике конфликты интересов и правовые коллизии.

На основании анализа книг архива великокняжеской канцелярии – Литовской Метрики – можно утверждать, что в большинстве случаев просьбы о пожаловании земли мотивировались нехваткой материальных ресурсов для надлежащего исполнения просителем обязанностей, связанных с несением военной службы, а также выполнением других повинностей. Однако встречаются и иные основания для соответствующих просьб. Так, в первой четверти XVI века достаточно распространённым поводом для обращения к великому князю за пожалованием была утрата отчизных земельных владений, отошедших в результате военных конфликтов к Московскому государству. В таких случаях князь, как правило, давал в держание землю и людей до того времени, пока захваченные неприятелем земли не будут освобождены («до очищения отчизны») [1, с. 134-135].

Достаточно часто просители обращались не напрямую к великому князю, а к державцам и старостам – должностным лицам («урадникам»), получавшим от великого князя в управление господарские дворы и волости. Они имели право самостоятельно, действуя в интересах великого князя, давать в держание земли и людей вместе с выполняемыми данными людьми службами. В таких случаях урядники выдавали листы, в которых закреплялось право лица держать землю «до воли господарское».

Право урядников закреплять землю за частными лицами, по-видимому, напрямую было связано с их обязанностью заботиться об изыскании источников доходов для казны великого князя. Земля не должна была пустовать, чтобы приносить доход в виде разного рода служб, податей («служобъ и дачокъ»). Поэтому урядники передавали в держание пустующие земли, владельцы которых умерли или ушли на другое место жительства. Зачастую просители сами находили пустующие земли и информировали власти о том, что из-за отсутствия доходов с таких земель страдают интересы великокняжеской казны.

Получив от урядника лист, держатель стремился добиться подтверждения от великого князя своих владельческих прав. Рассматривая прошение, великий князь принимал решение о пожаловании земли (или подтверждении прав на землю) основываясь преимущественно на информации просителя и ходатайствующих за него влиятельных панов, не проводя необходимой в таких случаях проверки принадлежности и текущего состояния возможного объекта пожалования. При этом иногда, уже после выдачи великокняжеского листа выяснялось, что земля, которую проситель характеризовал как пустующую, уже находится в держании у другого землевладельца. Возникающая в такой ситуации коллизия разрешалась в судебном порядке.

Анализ подобного рода судебных споров позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, во многих делах речь шла не об ошибке просителя, вызванной недостатком информации, а о сознательном введении в заблуждение властей с целью получения правоустанавливающих документов на чужую или спорную землю. При этом, как ни странно, когда потерпевшему удавалось доказать свои права на землю, виновная сторона, судя по материалам судебных дел, не несла какой-либо дополнительной ответственности помимо возмещения реального ущерба. Такие послабления явно не способствовали прекращению подобного рода попыток присвоить себе чужие права.

Во-вторых, признавая недействительными листы, выданные в результате получения недостоверной информации, великий князь ссылаясь на незнание всех обстоятельств дела, пояснял, что «мы листы наши даём так, как хто в нас просит», тем самым как бы снимая с себя ответственность за нарушение прав и законных интересов потерпевшего [2, с. 404, 411]. Это суждение, на наш взгляд, весьма показательное. Великий князь фактически тем самым признавал, что в его государстве отсутствовала эффективная система регистрации прав на земельные участки и сделок с недвижимостью и, следовательно, не было действенного механизма контроля за оборотом земель.

Правда, следует подчеркнуть, что определённые усилия по установлению такого контроля всё-таки предпринимались. В частности введению во владение предшествовала проводившаяся уполномоченным должностным лицом процедура обыска. В ходе данной процедуры урядник по предписанию князя должен был проверить обстоятельства, изложенные в челобитной, в частности выяснить, является ли земля пустующей или у неё есть «отчич» – законный собственник. Но, судя по всему, такая процедура проводилась далеко не всегда, а если и проводилась, то, тем не менее, не исключала коллизий прав держателей земли.

Оформление листа в великокняжеской канцелярии и скрепление его печатью великого князя имело важное юридическое значение. Тем самым закреплялись законные права владельца такого документа на землю. При рассмотрении спора о земле в великокняжеском суде не только оценивались представленные сторонами документы, но и осматривались записи в книгах канцелярии, подтверждающие выдачу таких документов. Однако, такие записи, как и листы выданные на их основании, иногда оказывались сфальсифицированными при помощи писарей великокняжеской канцелярии.

Показательно в этом отношении дело, рассмотренное Жигимонтом I в 1524 году. Житель Новогрудка Иван Ивонич обвинял дворянина Васка Петровича Заройского, что он владеет землями и людьми «без данины и листов» великого князя. Ответчик возражал, утверждая, что у него есть официальный документ из великокняжеской канцелярии («лист на то мел есми справы писарской») на основании которого воевода новогрудский пан Ян Заберезинский ввёл его во владение землёй. Великий князь, осмотрев документы, напомнил, что во время проверки деятельности канцелярии «таковых листов перед нами немало было положено», которые, как выяснилось, были выданы без «воли и росказанья господарского». Владельцы таких документов были лишены своих земельных держаний. Однако, для Васка было сделано исключение: ему оставили земли, так как он их не захватил самовольно, а получил на основании листа [2, с. 153]. Тот факт, что лист был сфальсифицирован, как видим, не стал основанием для признания незаконного характера владения. Решение по делу доказывает, что воля князя как верховного правителя была важнее, чем установленный законом порядок оформления прав на землю.

Ввод феодала во владение пожалованной землёй – «увязанье» – могло проводиться воеводой, старостой, державцей или специально посланным для этой цели дворянином великого князя. Предписание о «увязанье» излагалось в отдельном листе, адресованном на имя урядника, а сам ввод во владение оформлялся так называемым «листом увязчим».

В некоторых случаях, в своём листе великий князь определял количество пожалованных земель, людей, доходов, передающихся в держание, но не уточнял детали (локализацию объекта пожалования, персоналии людей и др.). Тогда урядник по поручению князя должен был «обыскати» подконтрольную ему территорию на предмет выявления необходимых ресурсов для предоставления держания согласно нормам, установленных князем. По-видимому, таких ресурсов не всегда было достаточно. Поэтому в некоторых прошениях на имя князя, а на их основании – в княжеских листах упоминается о неисполнении урядниками предписаний господара о увязанье просителя.

Обычно в таком случае в актовых материалах причина отказа формулируется в общих чертах, без детализации. Чаще всего говорится о том, что урядник не исполнил предписание «за некоторыми справками нашими (авт. – великого князя) и земскими». Наверное, наиболее универсальным аргументом здесь был ущерб («шкода») интересам великого князя, о чём урядник сообщал князю. Такой ущерб мог быть вполне реальным, но, судя по всему, он бывал и мнимым, надуманным. Так в завуалированной форме урядник мог прикрывать свои интересы.

Иногда такие субъективные мотивы отказа урядники демонстрировали открыто. В содержании некоторых актов очевидно, что причиной неисполнения предписаний князя о введении во владение являлись личные взаимоотношения между феодалами и нежелание урядников поступаться своими доходами. Так воеводе Троцкому князю Альбрехту Гаштольду, будущему канцлеру ВКЛ, было поручено найти людей и пустующие земли в Троцком повете для увязанья дворянина господарского князя Михаила Ивановича Глинского. Воевода нашёл соответствующих людей и земли в Волковыском повете, дал увязчий лист и в своём письме просил державцу Волковысского пана Юрия Глебовича выделить («поступить») их Глинскому. Однако Глебович «поступити ся ему не хотел», после чего великий князь дал Глинскому один из своих дворов «на хлебокормленье до его живота». Позже 28 июля 1522 г. по просьбе Глинского Жигимонт всё-таки подтвердил ему данину в Волковыском повете и предписал новому державце Волковысскому пану Матею Войтеховичу, чтобы он эти земли и людей «ему ся поступил» [3, с. 125].

Итак, процедура пожалования земель великим князем в держание частным лицам на практике иногда приводила к таким коллизиям, как:

- пожалование в качестве пустующей земли, у которой в действительности был законный владелец;
- владение землёй по документам, сфальсифицированным в великокняжеской канцелярии;
- неисполнение предписаний о введении во владение из-за объективных (отсутствия свободных земель) или субъективных причин.

Литература

1. Литовская Метрика. Книга записей 12. – Вильнюс, 1997.
2. Литовская Метрика. Книга судебных дел 4. – Вильнюс, 1997.
3. Литовская Метрика. Книга записей 11. – Вильнюс, 1997.

ИНСТИТУТ ОБЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНИНА УМЕРШИМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Т.М. Халецкая

Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Tania80@rambler.ru

В случае длительного отсутствия гражданина в месте его постоянного проживания и неизвестности места его нахождения возникает юридическая неопределенность, последствиями которой может стать ущемление прав других участников правоотношений. Так, кредитор утрачивает возможность получить с данного гражданина причитающийся ему долг; нетрудоспособные лица, состоящие на иждивении исчезнувшего гражданина, перестают получать от него содержание и в то же время не могут обратиться за начислением им пенсий, поскольку считаются имеющими кормильца; в период отсутствия гражданина сохраняется заключенный с ним брак, что препятствует заключению оставшимся супругом нового брака и т.п. Незащищенными остаются и интересы самого длительно отсутствующего лица: в частности, может быть причинен ущерб его имуществу, оставшемуся без присмотра. Устранению этой неопределенности способствуют нормы гражданско-правового института объявления гражданина умершим (ст.ст. 41, 42 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. – далее ГК Республики Беларусь).

Признание гражданина умершим возможно только на основании судебного решения, вынесенного в порядке особого производства (ст. 361 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь – далее ГПК Республики Беларусь) и лишь при наличии юридического состава, включающего следующие юридические факты: 1) отсутствие лица в месте его жительства; 2) отсутствие сведений о месте пребывания лица; 3) истечение установленных законом сроков с момента получения последних сведений о месте пребывания лица. Рассмотрим подробно каждый из указанных юридических фактов.

1) *отсутствие лица в месте его жительства*. Выяснение значения понятия «отсутствие» не вызывает особых затруднений. Отсутствовать – значит не быть в данном месте [5, с. 440]. Здесь важно определить, что понимает законодатель под местом жительства применительно к ст. 41 ГК Республики Беларусь.

Так, в п. 3.1 Указа Президента Республики Беларусь от 7 сентября 2007 г., № 413 «О совершенствовании системы учета граждан по месту жительства и месту пребывания» (далее – Указ) сказано, что каждый гражданин обязан зарегистрироваться по месту жительства в пределах Республики Беларусь. В данном случае под местом жительства понимается *местонахождение (адрес) жилого помещения*, право владения, распоряжения и (или) пользования которым возникло у гражданина по основаниям, установленным законодательными актами, и в котором он постоянно либо преимущественно проживает (п. 4.5 Указа). То есть в Указе речь идет о юридическом месте жительства гражданина (месте жительства, в котором гражданин зарегистрирован). Вместе с тем, юридическое место жительства может не